

pISSN 2073-2872
eISSN 2311-875X

Экономическая политика государства

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ РОССИЙСКИХ ИНДИКАТОРОВ УПРАВЛЕНИЯ

Валерий Владиславович СМИРНОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевой экономики,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (ЧувГУ),
Чебоксары, Российская Федерация
v2v3s4@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-3157>
SPIN-код: 3120-4077

История статьи:

Рег. № 574/2020
Получена 12.10.2020
Получена в
доработанном виде
29.10.2020
Одобрена 14.11.2020
Доступна онлайн
12.02.2021

УДК 330.34

JEL: C45, E19, F01,
O10, P10

Ключевые слова:

иерархия
приоритетов,
индикаторы
управления, кластер,
критерий,
ограничения,
эффективность

Аннотация

Предмет. Динамика российских индикаторов управления.

Цели. Выявление ограничений, определяющих критерии управления.

Методология. Исследование основано на системном подходе с применением метода статистического, кластерного и нейросетевого анализа.

Результаты. Выделены проблема управления современной российской экономикой и теоретические представления об общих критериях управления. Проведен анализ динамики российских индикаторов управления по шести широким аспектам управления (Worldwide Governance Indicators, World Bank Group). С помощью кластерного анализа темпов прироста российских индикаторов управления выявлены самые крупные и важные кластеры. Посредством нейросетевого анализа важности темпов прироста российских индикаторов управления выявлена иерархия приоритетов, среди которых наиболее определяющим является эффективность правительства, наименее значимыми – верховенство закона, политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма. В результате оценки асимметрии распределения динамики российских индикаторов управления относительно среднего выявлен приоритет – эффективность правительства, которая становится определяющим критерием управления.

Область применения. Результаты исследования формируют необходимый уровень компетенций государственных органов власти для принятия управленческих решений по эффективному управлению российским государством.

Выводы. Исследование позволило связать ограничения динамики российских индикаторов управления посредством определения критериев управления. Особым положением стала возможность повышения эффективности правительства для сохранения политической стабильности и отсутствия насилия/терроризма посредством пренебрежения верховенством закона, нормативным качеством, созданием видимости борьбы с коррупцией.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2020

Для цитирования: Смирнов В.В. Анализ динамики российских индикаторов управления // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 361 – 384.
<https://doi.org/10.24891/ni.17.2.361>

Введение

Актуальность анализа динамики российских индикаторов управления объясняется изменениями условий устойчивого развития мировой экономики, трансформацией глобализирующегося мироустройства и, как следствие, пересмотром принципов экономического роста экономики России.

Так, С.Ю. Глазьев считает, что гибридное противостояние за мировое господство вошло в фазу критического обострения. В стремлении сохранить свое доминирование в уходящем имперском мирохозяйственном укладе США открыли новые фронты подавления держав, полагаемых ими перманентной периферией [1]. В этих условиях необходимо обеспечить темпы экономического роста России выше среднемировых с опережающим инвестированием в опорные отрасли и производства нового технологического уклада, с кардинальным пересмотром всей системы стратегического управления¹.

В свою очередь, А.Г. Аганбегян полагает, что возникшая в 2013 г. стагнация является рукотворной, порожденной значительным сокращением государственных инвестиций. Усугубляющее значение имели возникшие негативные тренды – отток капитала, сокращение расходов госбюджета, снижение вложений в человеческий капитал, демографический кризис, прогрессирующее устаревание основных фондов, особенно машин и оборудования. Необходимы новые источники финансовых средств, стимулы и структурные реформы [2]. Глобальный структурный кризис 2020 г., спровоцированный коронавирусной пандемией и сокращением доходов нефтегазовой промышленности, усилили необходимость перехода к новой экономической политике [3].

Р.С. Гринберг указывает на риски стагнации и последствия для страны, полагая, что драйвером рыночной экономики должна быть не собственность, а конкуренция [4]. Он анализирует контуры новой парадигмы экономической политики и перспективы включения в нее социальных и климатических императивов посредством формирования

¹ Глазьев С.Ю. О создании систем стратегического планирования и управления научно-техническим развитием // *Инновации*. 2020. № 2. С. 14–23.
URL: <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.256.2.002>

новой, более адекватной модели хозяйственного механизма². В частности, обосновывается необходимость масштабного увеличения государственных расходов, включая прямые денежные выплаты населению, устранения причин взаимного недоверия бизнеса и власти³.

Г.Б. Клейнер рассматривает реконструкцию социально-экономического пространства в виде совокупности социально-экономических систем различного масштаба и назначения, а также сил, определяющих устойчивые формы их взаимодействия. Он предлагает структурировать социально-экономическое пространство в трех разрезах: макросубъектном (государство, социум, экономика, бизнес), макросистемном (объектный, средовой, процессный, проектный секторы экономики) и уровневом (мега-, макро-, мезо-, микро- и наноэкономика) [5]. Клейнер выявил, что системные проблемы экономики, как подсистемы общества связаны, в первую очередь, с дисфункциями экономики по отношению к социуму и бизнесу⁴. Решение этой проблемы связано с совершенствованием организационно-экономического механизма функционирования российских предприятий, посредством консолидации общества и мобилизации его на реализацию задач, поставленных в известном майском Указе Президента РФ⁵.

Итак, проблема управления для российской экономики является единой и многообразной. Оценить ее масштабы возможно исходя из динамики российских индикаторов управления.

В теоретическом аспекте управление следует рассматривать как элемент, или функцию организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающую сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы, цели деятельности. Труд, материальное и духовное производство, распределение и потребление невозможны без определенной организации, порядка, разделения труда, установления места и функций человека в коллективе, осуществляемых с помощью управления. Границы управления, его содержание, цели и принципы зависят от господствующих в обществе

² Гринберг Р.С. Мир и Россия в поисках новой модели экономического развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223. № 3. С. 70–74. URL: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-223-3-70-74>

³ Гринберг Р.С. Стратегия социально-экономического развития России: разговор на перспективу // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 224. № 4. С. 28–33. URL: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-224-4-28-33>; Гринберг Р.С. Какой будет новая модель экономического развития? // Мир перемен. 2020. № 2. С. 5–8.

⁴ Клейнер Г.Б. Системные проблемы отечественной экономики: мезоэкономика, микроэкономика, экономика предприятий // Вестник ЦЭМИ. 2018. № 1. С. 5.

⁵ Клейнер Г.Б., Пирогов Н.Л. Главная задача – совершенствование организационно-экономического механизма развития российских предприятий // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 2. С. 248–259. URL: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2018.9.2.248-259>

экономических отношений, характера социально-политического строя. В буржуазном обществе управление основано на частной капиталистической собственности, а главной целью буржуазии, управляющей обществом посредством государства и др. организаций, является упрочение собственного господства⁶.

Таким образом, исследование направлено на выявление возможности связывания ограничений динамики российских индикаторов управления с определенным критерием управления.

Обзор литературы

В обзоре литературы рассмотрим научные представления об общих критериях управления страной, сложившиеся в теоретической и практической деятельности. Эти представления связаны с сущностью государственно-административного управления, основой которого являются институты.

Согласно Д.С. Норт, институты – это «правила игры» в обществе, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми и задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или в экономике⁷. В этом контексте особую роль играют цель и информация. Цель выступает как информационный вектор развития, а информация – как совокупность поведенчески значимых и определяющих сообщений.

М.Р. Родригез и Б.Дж. Кинн обнаружили, что в значительной степени свобода печати и верховенство закона резко сокращают количество нарушений [6]. И.В. и С.В. Журавлевы полагают, что значительную роль играет природа представляемого образа политического лидера страны (государства) в его взаимодействии с различными лицами, деятельности в политической жизни, своеобразии проявлений [7].

К.Э. Мюллер указывает на существенное влияние законов о свободе информации на улучшение возможностей общественности получить доступ к официальной информации от государственных органов [8]. Б.Р. Урлахер показал возможности оценки этого влияния посредством причинно-следственного моделирования [9].

Авторы [10] выделили в качестве определяющих критериев государственно-административного управления – ВВП и глобальные

⁶ Большая Советская Энциклопедия. БСЭ. URL: <https://booksite.ru/fulltext/1/001/008/114/295.htm>

⁷ Норт Д.С. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

показатели институционального управления. Используя причинно-следственное моделирование, можно выделить положительные практики управления, а именно, любое лицо, группу лиц или юридическое лицо, которые имеют интерес к ресурсам или результатам деятельности общественного сектора и будут затронуты институциональным управлением.

Авторы [11] рассматривают возможности бенчмаркингового управления – инструменты, мероприятия и результаты, относящиеся к каждому этапу принятой методологии.

М. Хамитов и др. показали, как через пространство и время, культурные и институциональные различия проявляется дифференцированное влияние отношений между потребителем и брендом и почему различные конструкты лучше управляют лояльностью в одних культурных и институциональных контекстах, чем в других [12].

Также уделяется внимание финансово-экономическим проблемам институционального управления. Выделяется роль налогов как стабилизатора развития стран [13]. Разработана модель трансграничных приобретений, в которой выбор собственности иностранного приобретателя отражает компромисс между ослаблением кредитных ограничений объекта и издержками работы в условиях слабых институтов [14].

В. Гельман представил анализ «неформальной институционализации» в посткоммунистической России в теоретической и сравнительной перспективе. Критическому анализу подверглись «подрывные» институты, то есть те правила, нормы и практики, которые, на первый взгляд, отчасти напоминают институты современной демократии, благого управления и верховенства закона, но на самом деле тормозят их [15].

Согласно данным А. Баранова, результаты экономического развития связаны с институтами, то есть «правилами игры» в экономике и обществе, которые создают определенные условия для экономической деятельности. Эффективные институты поддерживают предпринимательство, привлекают инвестиции и способствуют экономическому росту. Напротив, стагнация и нищета, даже когда ресурсов предостаточно, обычно связаны с недостатками институциональной среды [16].

О. Кузьмина и др. оценили влияние качества государственного управления на прямые иностранные инвестиции в России. Они выявили, что переход от среднего к высшему качеству управления в российских регионах более чем удваивает объем ПИИ [17].

М. Скаламера, изучая энергетические отношения между ЕС и Россией и задаваясь вопросом, почему между этими двумя субъектами возникла такая фрагментированная архитектура управления, установила взаимообусловленное игнорирование Европейским союзом зависимости от российского газа и России от прибыльного рынка ЕС [18].

А.-С. Хермансон полагает, что в этом случае компетенция управления ЕС в области энергетической политики является диффузной [19].

Авторы [20] считают, что процедурная и распределительная справедливость, распределение выгод зависят от корпоративной политики, глобальных стандартов, давления со стороны международных финансовых институтов и местных социальных движений, связанных в сеть, генерирующую управление.

Итак, в целом научное представление об общих критериях управления страной (государством) связано с институтами, а сложившаяся теоретическая и практическая деятельность государственно-административного управления лежит в плоскости мышления Д.С. Норта, трактующего институты как «правила игры» в обществе, определяющие структуру человеческого взаимодействия в политике, социальной сфере или экономике.

Методы исследования

Для анализа динамики российских индикаторов управления применим методы статистического, нейросетевого и кластерного анализа, включающие обработку статистических показателей, их систематизацию и представление в форме графиков и таблиц⁸. Обработка статистических данных осуществляется с применением ПП IBM SPSS Statistics Software⁹, а построение таблиц, диаграмм и графиков – с помощью MS Excel.

Статистический анализ является методом сбора, изучения и представления больших объемов данных по признакам¹⁰ и взаимосвязям данных¹¹, корреляционным взаимосвязям пространственных и временных рядов показателей.

⁸ King A.P., Eckersley R.J. Chapter 1: Descriptive Statistics I: Univariate Statistics. In: *Statistics for Biomedical Engineers and Scientists*. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102939-8.00010-4>; Brownstein N.C., Adolfsson A., Ackerman M. Descriptive statistics and visualization of data from the datasets package with implications for clusterability. URL: <https://doi.org/10.1016/j.dib.2019.104004>

⁹ Fávero L.P., Belfiore P. Chapter 3: Univariate Descriptive Statistics. In: *Data Science for Business and Decision Making*. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811216-8.00003-3>

¹⁰ Lazar J., Feng J.H., Hochheiser H. Chapter 4: Statistical analysis. In: *Research Methods in Human Computer Interaction*. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-805390-4.00004-2>

¹¹ Schofield S. Impressive statistical analysis // *Science and Public Policy*. 1993. Vol. 20. Iss. 3. P. 214–215. URL: <https://doi.org/10.1093/spp/20.3.214>

Применение кластерного анализа обусловлено дополнением вероятностного понимания причинности¹² со связанностью изменений оцениваемых показателей. Кластерный анализ позволяет осуществить сбор данных, содержащих информацию о выборке объектов, и упорядочить объекты исследования в сравнительно однородные группы¹³. Это позволяет разработать классификацию исследуемых объектов или явлений, выявить основные схемы их группирования и сформулировать гипотезы¹⁴.

Нейросетевой анализ позволяет выявить закономерности изменения объектов или явлений посредством построения нейронных сетей. Гипотезы, формулируемые с помощью кластерного и нейросетевого анализа, позволят определить прогнозные результаты применяемых управленческих решений.

Анализ

Основой для анализа динамики российских индикаторов управления стали данные Группы Всемирного банка (*World Bank Group, WBG*), определенные относительно показателей качества государственного управления (*Worldwide Governance Indicators, WGI*)¹⁵. Основанием выбора WGI является подход WBG к управлению как к совокупности традиций и институтов, посредством которых осуществляется власть в стране. Она включает в себя процесс отбора, мониторинга и замены правительства, способность правительства эффективно формулировать и осуществлять разумную политику, уважение граждан и государства к институтам, которые управляют экономическим и социальным взаимодействием между ними.

Доклад WGI приводится для более 215 стран по шести широким аспектам управления:

- 1) право голоса и подотчетность обществу;
- 2) политическая стабильность и отсутствие насилия;
- 3) эффективность государственного управления;
- 4) качество регулирования;
- 5) верховенство закона;

¹² *Urchner B.R.* Complexity, Causality, and Control in Statistical Modeling // *American Behavioral Scientist (ABS)*. 2020. Vol. 64. Iss. 1. P. 55–73. URL: <https://doi.org/10.1177/0002764219859641>

¹³ *Adolfsson A., Ackerman M., Brownstein N.C.* To cluster, or not to cluster: An analysis of clusterability methods // *Pattern Recognition*. 2019. Vol. 88. P. 13–26. URL: <https://doi.org/10.1016/j.patcog.2018.10.026>

¹⁴ *Favero L.P., Belfiore P.* Chapter 11: Cluster Analysis. In: *Data Science for Business and Decision Making*. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811216-8.00011-2>

¹⁵ The World Bank Group. *Worldwide Governance Indicators*. URL: <https://datacatalog.worldbank.org>

б) борьба с коррупцией.

WGI – это сводные показатели управления, основанные на более чем 30 базовых источниках данных. Эти источники данных масштабируются и объединяются с использованием статистической методологии, известной как модель ненаблюдаемых компонентов. Ключевой особенностью данной методологии является то, что она создает пределы погрешности для каждой оценки управления.

В результате кластерного анализа темпов прироста российских индикаторов управления выявлены кластеры (*табл. 1*): 1) большие – борьба с коррупцией; 2) важные: а) эффективность государственного управления и б) политическая стабильность и отсутствие насилия. Основные направления и средства управления:

- борьба с коррупцией – контроль над коррупцией;
- эффективность государственного управления – верховенство закона и нормативное качество;
- политическая стабильность и отсутствие насилия – право голоса и подотчетность обществу.

Итак, результатом кластерного анализа является положение о присутствии в российской действительности разумности в управлении государством, основанной на верховенстве закона, нормативном качестве, свободе слова и ответственности за волеизъявление. В то же время контроль над коррупцией проявляется через видимость борьбы с ней.

В результате нейросетевого анализа важности темпов прироста российских индикаторов управления выявлена иерархия приоритетов (*табл. 2*), среди которых определяющим является эффективность правительства, наименее значимые – верховенство закона и политическая стабильность, отсутствие насилия (терроризма).

Совокупность результатов кластерного и нейросетевого анализа позволяет выделить противоречие относительно политической стабильности и отсутствия насилия (терроризма), которое проявляется в возможности пренебрегать верховенством закона, нормативным качеством, правом голоса и подотчетностью обществу для достижения эффективности государственного управления.

В результате оценки асимметрии распределения динамики российских индикаторов управления относительно среднего (*рис. 1*) выявлен приоритет – эффективность правительства.

Таким образом, результаты кластерного и нейросетевого анализа, оценка асимметрии распределения динамики российских индикаторов управления относительно среднего позволяют предположить, что эффективность правительства является определяющим критерием управления. Эффективность правительства проявляется в сохранении политической стабильности и отсутствии насилия (терроризма) посредством возможности пренебрежения верховенством закона, нормативным качеством, правом голоса и подотчетностью обществу, созданием видимости борьбы с коррупцией.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования по данным WGI показывают управление как совокупность традиций и институтов, посредством которых осуществляется власть в стране. Доклад WGI приводится для 215 стран по более чем 30 базовым источникам данных, масштабируемых и объединенных в шесть агрегированных показателей:

- 1) право голоса и подотчетность обществу;
- 2) политическая стабильность и отсутствие насилия;
- 3) эффективность государственного управления;
- 4) качество регулирования;
- 5) верховенство закона;
- 6) борьба с коррупцией.

Результаты кластерного и нейросетевого анализа, оценки асимметрии распределения динамики российских индикаторов управления относительно среднего позволяют указать на определяющий российский индикатор (критерий) управления – эффективность правительства. Мера эффективности правительства проявляется в сохранении политической стабильности и отсутствия насилия (терроризма). Этому положению оно (правительство) может достигать различными способами, в том числе посредством пренебрежения верховенством закона, нормативным качеством, правом голоса и подотчетности, создавая видимость борьбы с коррупцией.

С. Оксенстиерна, указывая на конфликт между Россией и Украиной в 2014 г. и последовавший за ней интенсивный экономический спад, оценила влияние роста военных расходов на экономику. На протяжении десятилетия геополитические амбиции России выражались в увеличении расходов на оборону. Однако после экономического кризиса 2009 г. Россия уже

несколько лет испытывает низкие темпы роста экономики; в 2015 г. она столкнулась с существенным сокращением ВВП, и перспективы его роста в обозримом будущем довольно слабы. В своем выступлении в Совете Федерации 25 апреля 2005 г. В. Путин утверждал, что «распад Советского Союза был главной геополитической катастрофой века». Два года спустя в своем выступлении на Мюнхенской конференции по политике безопасности он назвал «неприемлемым» однополярный мир, сложившийся после холодной войны с США как единственной сверхдержавой.

В 2008 г. была начата военная реформа, направленная на модернизацию Вооруженных сил РФ и придание им «нового облика». В поддержку реформы в 2011 г. была запущена новая десятилетняя государственная программа вооружения, направленная на перевооружение Вооруженных сил современными вооружениями и системами обеспечения до 2020 г.

Из исследования доли федерального бюджета в обороне видно, что оборона по-прежнему имеет один из самых высоких приоритетов с точки зрения роста доли ВВП. Однако расходы на оборону были сокращены из-за ухудшения экономической ситуации в 2015 г. Таким образом, в бюджете все еще существует компромисс между оборонными и иными расходами, хотя очевидно, что другие статьи, такие как здравоохранение, поддержка экономики и охрана окружающей среды, значительно сокращаются.

У России будут проблемы с восстановлением экономического роста и поддержанием своих военных амбиций до тех пор, пока экономическая система не будет реформирована, а производительные частные экономические субъекты не получат толчок к росту.

Зависимость от ренты и система управления арендой препятствуют проведению тщательной институциональной реформы, которая могла бы установить действительное «верховенство закона» и «право голоса и подотчетность», которые являются двумя из нескольких важных институциональных условий экономического развития¹⁶.

У нашей страны есть различные возможности поднять уровень управления. Например, Я. Тарверди и др. утверждают, что уровень демократии влияет на качество управления. Они показывают, что от избирательной демократии не следует ожидать улучшения уровня управления по сравнению с откровенно авторитарным режимом. В странах с диктатурой, как правило, уровень управления выше, чем в странах с частично демократизированной экономикой (электоральные демократии)¹⁷.

¹⁶ Oxenstierna S. Russia's Defense Spending and the Economic Decline. *Journal of Eurasian Studies*, 2016, vol. 7, iss. 1, pp. 60–70. URL: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.06.001>

В то же время К. Марсден с соавторами показал, как правительства могут регулировать ценности компаний социальных сетей, которые сами влияют на распространение дезинформации на своих собственных платформах. Они утверждают: размер вовлеченных экономических субъектов означает, что их регулирование влияет на создание экономической ценности, хотя вопросы, касающиеся демократических и социальных ценностей, имеют первостепенное значение. Теория общественного выбора предполагает, что политики будут следовать своим эгоистичным курсом, и проведение выборов является их главной заботой. Избирательная реформа занимает центральное место в политических проблемах¹⁸.

О. Сидоркин и Д. Воробьев установили, что оппортунистически действующие политики, как избранные, так и назначенные, систематически корректируют государственную политику в течение политических циклов. При этом коррупционное поведение назначенных политиков следует определенным моделям, которые обусловлены политическими циклами. Например, когда губернатор узнает, что он не будет назначен повторно как только его срок истечет, у него появляется все больше стимулов заниматься коррупционной деятельностью. С другой стороны, когда губернатор становится более уверенным в том, что он останется на своем посту, он может иметь более высокие стимулы для сглаживания извлечения ренты с течением времени и таким образом не увеличивать ее¹⁹.

Выявлено, что единственным представителем государства, с которым сталкиваются люди, есть коррумпированное политическое руководство, не заслуживающее электоральной поддержки. Эмпирические данные показывают, что борьба с коррупцией демобилизует поддержку авторитарного режима. Выборы, хотя и жестко контролируемые, все же служат на стороне режима²⁰.

Кроме того, показано, что коррупция оказывает негативное влияние на вероятность инноваций. Эмпирические результаты говорят о том, что коррупция на уровне фирм в обрабатывающей промышленности в регионах с худшим (коррумпированным) управлением оказывает значительное негативное влияние на инновации. Политический подтекст состоит в том,

¹⁷ Tarverdi Y., Saha S., Campbell N. Governance, democracy and development // *Economic Analysis and Policy*. 2019. Vol. 63. P. 220–233. URL: <https://doi.org/10.1016/j.eap.2019.06.005>

¹⁸ Marsden C., Meyer T., Brown I. Platform values and democratic elections: How can the law regulate digital disinformation? // *Computer Law & Security Review*. 2020. Vol. 36. Article 105373. URL: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2019.105373>

¹⁹ Sidorkin O., Vorobyev D. Political cycles and corruption in Russian regions // *European Journal of Political Economy*. 2018. Vol. 52. P. 55–74. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2017.05.001>

²⁰ Claypool V.H., Reisinger W.M., Zaliznaya M. et al. Tsar Putin and the “corruption” thorn in his side: The demobilization of votes in a competitive authoritarian regime // *Electoral Studies*. 2018. Vol. 54. P. 182–204. URL: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2018.06.001>

что правительство должно усилить позитивную роль (эффективность) в части верховенства закона, качества регулирования и контроля за коррупцией, чтобы улучшить инновации фирм²¹.

М. Залозная и др. показывают, что в развивающихся странах борьба с коррупцией влечет за собой чистку политических и деловых элит и реструктуризацию систем избирательного, финансового и социального обеспечения, что является дорогостоящим мероприятием для должностных лиц и, следовательно, маловероятным без постоянного давления со стороны гражданского общества. На основе данных 40 интервью с антикоррупционными активистами в России и Украине, а также первичных документальных источников авторы представили две модели антикоррупционизма, при которых активное гражданское участие приводит к неоптимальным результатам. Одна из них – искусственное сотрудничество, определяемое как «фасад сотрудничества» между государством и гражданским обществом, который скрывает реальность односторонних реформ. Другая модель – это модель неколлаборативного совместного присутствия, когда роль управления разделяется правительством и неправительственными активистами без компромиссных решений. В обоих случаях гражданское участие помогает укрепить злоупотребления властью и подрывают такие долгосрочные цели антикоррупционных реформ, как демократизация и эффективное управление²².

А. Павроз, в свою очередь, раскрывает российский парадокс – сочетание высокого уровня коррупции с сильной и относительно эффективной властью. Автор также приходит к выводу о бесперспективности коррупционно-ориентированной модели управления и указывает на то, что эффективные антикоррупционные меры в России могут быть осуществлены только в случае смены действующего режима и последующей реализации демократических, рыночных и административных реформ²³.

Н. Захаров показал отрицательную взаимосвязь между коррупцией и инвестициями в «негосударственный» основной капитал в условиях коррумпированной страны. Дезагрегирование инвестиций по формам собственности показывает, что коррупция затрагивает только частные

²¹ Lee C.-C., Wang C.-W., Ho S.-J. Country governance, corruption, and the likelihood of firms' innovation // *Economic Modelling*. 2020. Vol. 92. P. 326–338. URL: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2020.01.013>

²² Zaloznaya M., Reisinger W.M., Claypool V.H. When civil engagement is part of the problem: Flawed anti-corruptionism in Russia and Ukraine // *Communist and Post-Communist Studies*. 2018. Vol. 51. Iss. 3. P. 245–255. URL: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.06.003>

²³ Pavroz A. Corruption-oriented model of governance in contemporary Russia // *Communist and Post-Communist Studies*. 2017. Vol. 50. Iss. 2. P. 145–155. URL: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2017.05.005>

инвестиции, но не инвестиции государственных компаний. Негативный эффект будет больше для компаний с полной или частичной иностранной собственностью²⁴.

В целом эффективность деятельности правительства по сохранению политической стабильности и отсутствия насилия (терроризма) вполне достижима в рамках сложившегося политического устройства российского государства.

Выводы

Возможности устойчивого развития российской экономики в глобализирующемся мире в значительной мере ограничены сложившейся общественно-экономической формацией и доминирующими нормами политического устройства российского государства.

В то же время эти ограничения дают возможность акцентировать внимание на эффективности деятельности правительства страны как определяющем критерии управления. При этом эффективность правительства проявляется в сохранении политической стабильности и отсутствия насилия (терроризма) в том числе посредством пренебрежения верховенством закона, нормативным качеством, правом голоса и подотчетностью, созданием видимости борьбы с коррупцией.

²⁴ Zakharov N. Does corruption hinder investment? Evidence from Russian regions // *European Journal of Political Economy*. 2019. Vol. 56. P. 39–61. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2018.06.005>

Таблица 1**Кластеры темпов прироста российских индикаторов управления, 1998–2018 гг.****Table 1****Clusters of growth rates of Russian administrative indicators, 1998–2018**

Кластер	Элемент кластера	Квадрат евклидова расстояния
Борьба с коррупцией: оценка	Контроль над коррупцией: стандартная ошибка	$2,2 \cdot 10^3$
	Борьба с коррупцией: количество источников	$3,7 \cdot 10^3$
	Эффективность правительства: процентильный ранг	$6,3 \cdot 10^3$
	Контроль над коррупцией: процентильный ранг	$6,9 \cdot 10^3$
	Право голоса и подотчетность: оценка	$1,3 \cdot 10^4$
	Политическая стабильность и отсутствие насилия (терроризма): оценка	$1,7 \cdot 10^4$
	Эффективность правительства: ранг процентиля, нижняя граница 90%-ного доверительного интервала	$2,2 \cdot 10^4$
	Политическая стабильность и отсутствие насилия (терроризма): процентильный ранг	$3 \cdot 10^4$
	Эффективность правительства: оценка	$3,6 \cdot 10^4$
	Контроль над коррупцией: ранг процентиля, нижняя граница 90%-ного доверительного интервала	$4,6 \cdot 10^4$
	Нормативное качество: оценка	$6,4 \cdot 10^4$
	Политическая стабильность и отсутствие насилия (терроризма): процентильный ранг, нижняя граница 90%-ного доверительного интервала	$1,6 \cdot 10^5$
Борьба с коррупцией: количество источников	Эффективность государственного управления: количество источников	$1,1 \cdot 10^3$
	Политическая стабильность и отсутствие насилия (терроризма): количество источников	$1,4 \cdot 10^3$
	Верховенство закона: оценка	$3,1 \cdot 10^3$
Контроль над коррупцией: стандартная ошибка	Нормативное качество: стандартная ошибка	$1,2 \cdot 10^3$
	Эффективность правительства: стандартная ошибка	$1,5 \cdot 10^3$
	Право голоса и подотчетность: процентильный ранг	$2 \cdot 10^3$
Эффективность	Верховенство закона: количество	$2,6 \cdot 10^2$

государственного управления:	источников	
количество источников	Нормативное качество: количество источников	$4,5 \cdot 10^2$
Эффективность правительства: процентильный ранг	Эффективность правительства: процентильный ранг, верхняя граница 90%-ного доверительного интервала	$3,4 \cdot 10^3$
	Верховенство закона: процентильный ранг	$4,5 \cdot 10^3$
Эффективность правительства: стандартная ошибка	Политическая стабильность и отсутствие насилия (терроризма): стандартная ошибка	$1,3 \cdot 10^3$
Эффективность правительства: ранг процентиля, нижняя граница 90%-ного доверительного интервала	Нормативное качество: ранг процентиля, нижняя граница 90%-ного доверительного интервала	$1,4 \cdot 10^4$
Эффективность правительства: процентильный ранг, верхняя граница 90%-ного доверительного интервала	Нормативное качество: процентильный ранг	$2,5 \cdot 10^3$
Политическая стабильность и отсутствие насилия (терроризма): стандартная ошибка	Право голоса и подотчетность: стандартная ошибка	$7,9 \cdot 10^2$
	Верховенство закона: стандартная ошибка	$1,1 \cdot 10^3$
Политическая стабильность и отсутствие насилия (терроризма): количество источников	Право голоса и подотчетность: количество источников	$7,4 \cdot 10^2$
Нормативное качество: ранг процентиля, нижняя граница 90%-ного доверительного интервала	Верховенство закона: ранг процентиля, нижняя граница 90%-ного доверительного интервала	$9,1 \cdot 10^3$

Примечание. Иерархический кластерный анализ – среднее расстояние между кластерами, квадрат евклидова расстояния.

Источник: рассчитано по данным World Bank Group, Worldwide Governance Indicators. URL: <https://datacatalog.worldbank.org>

Source: Authoring based on World Bank Group, Data Catalog. Worldwide Governance Indicators data. URL: <https://datacatalog.worldbank.org>

Таблица 2**Нейросетевой анализ важности темпов прироста российских индикаторов управления, 1998–2018 гг.****Table 2****The neural network analysis of the importance of growth rates of Russian administrative indicators, 1998–2018**

Индикатор	Важность
Эффективность правительства: процентильный ранг, верхняя граница 90%-ного доверительного интервала	100
Эффективность правительства: стандартная ошибка	90
Нормативное качество: процентильный ранг	73,5
Нормативное качество: ранг процентиля, верхняя граница 90%-ного доверительного интервала	73,2
Политическая стабильность и отсутствие насилия (терроризма): процентильный ранг, верхняя граница 90%-ного доверительного интервала	69,7
Эффективность правительства: ранг процентиля, нижняя граница 90%-ного доверительного интервала	69
Нормативное качество: количество источников	63,8
Борьба с коррупцией: оценка	60,8
Эффективность правительства: оценка	60,4
Верховенство закона: оценка	59,8
Нормативное качество: оценка	55,4
Эффективность государственного управления: количество источников	50,3
Право голоса и подотчетность: количество источников	47,5
Право голоса и подотчетность: процентильный ранг, верхняя граница 90%-ного доверительного интервала	45,9
Верховенство закона: ранг процентиля, верхняя граница 90%-ного доверительного интервала	40
Право голоса и подотчетность: процентильный ранг, нижняя граница 90%-ного доверительного интервала	39,8
Нормативное качество: ранг процентиля, нижняя граница 90%-ного доверительного интервала	38,7
Верховенство закона: количество источников	35,6
Политическая стабильность и отсутствие насилия (терроризма): стандартная ошибка	32,8
Политическая стабильность и отсутствие насилия (терроризма): оценка	32,6
Право голоса и подотчетность: стандартная ошибка	32,1
Контроль над коррупцией: ранг процентиля, нижняя граница 90%-ного доверительного интервала	27,2
Верховенство закона: процентильный ранг	26,7

Право голоса и подотчетность: процентильный ранг	25,5
Эффективность правительства: процентильный ранг	24,6
Контроль над коррупцией: стандартная ошибка	22,4
Борьба с коррупцией: количество источников	22,2
Нормативное качество: стандартная ошибка	22
Контроль над коррупцией: ранг процентиля, верхняя граница 90%-ного доверительного интервала	21,6
Политическая стабильность и отсутствие насилия (терроризма): количество источников	21,2
Право голоса и подотчетность: оценка	18,8
Политическая стабильность и отсутствие насилия (терроризма): процентильный ранг	16,1
Верховенство закона: стандартная ошибка	15,3
Контроль над коррупцией: процентильный ранг	13,1
Политическая стабильность и отсутствие насилия (терроризма): процентильный ранг, нижняя граница 90%-ного доверительного интервала	11,3
Верховенство закона: ранг процентиля, нижняя граница 90%-ного доверительного интервала	7,1

Примечание. Многослойный перцептрон, пакетное обучение.

Источник: рассчитано по данным World Bank Group, Worldwide Governance Indicators.

URL: <https://datacatalog.worldbank.org>

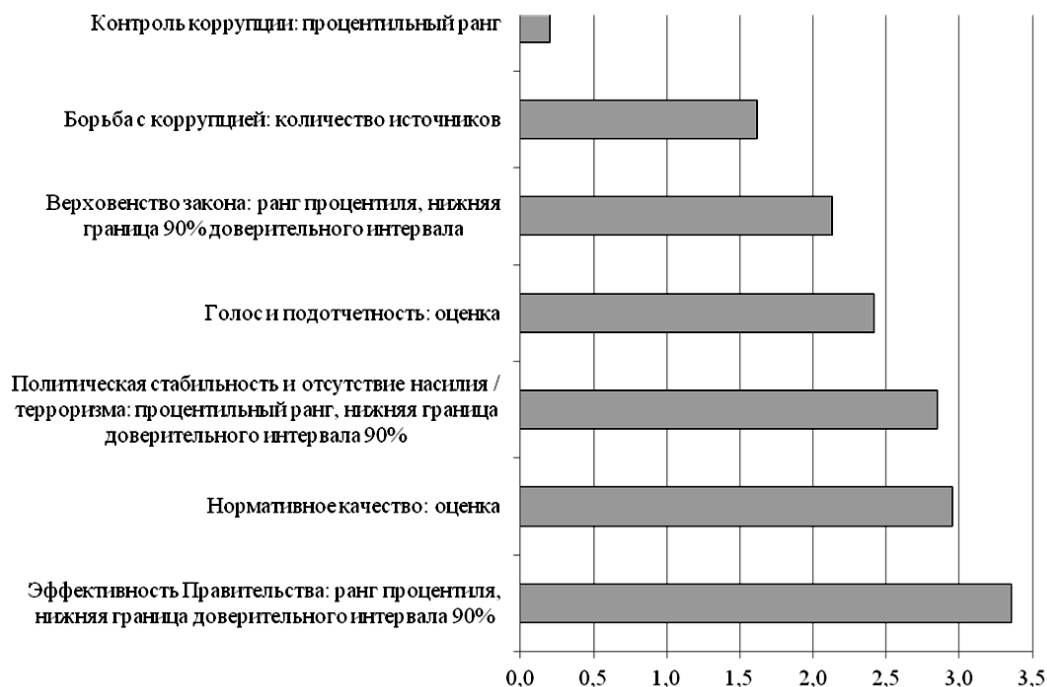
Source: Authoring based on World Bank Group, Data Catalog. Worldwide Governance Indicators data. URL: <https://datacatalog.worldbank.org>

Рисунок 1

Основные приоритеты управления в России через призму асимметрии распределения относительно среднего, 1998–2018 гг.

Figure 1

Key administrative priorities in Russia against the asymmetry of distribution relative to the average, 1998–2018

Источник: построено по данным World Bank Group, Worldwide Governance Indicators.
URL: <https://datacatalog.worldbank.org>

Source: Authoring based on World Bank Group, Data Catalog. Worldwide Governance Indicators data. URL: <https://datacatalog.worldbank.org>

Список литературы

1. Глазьев С.Ю. Российская экономика в начале 2020 г.: о глубинных причинах нарастающего хаоса и комплексе антикризисных мер // Российский экономический журнал. 2020. № 2. С. 3–39.
URL: <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2020-2-03-39>
2. Аганбегян А.Г. Как возобновить социально-экономический рост в России? // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 222. № 2. С. 164–182.
URL: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-222-2-164-182>
3. Аганбегян А.Г. О необходимости новой социально-экономической политики // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15. № 3. С. 15–50. URL: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-3-15-50>

4. Гринберг Р.С. Экономическая стагнация: кто виноват и что делать? // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 222. № 2. С. 114–117.
URL: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-222-2-114-117>
5. Клейнер Г.Б. Системная реконструкция российского социально-экономического пространства // Экономическое возрождение России. 2020. № 2. С. 59–69.
URL: <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2020-2-64-59-69>
6. Rodriguez M., Kinne B.J. Blue Helmets, Red Flags: Institutional, Societal, and Military Determinants of Peacekeeping Abuses // *International Studies Quarterly*. 2019. Vol. 63. Iss. 3. P. 626–640.
URL: <https://doi.org/10.1093/isq/sqz020>
7. Zhuravleva I.V., Zhuravlev S.V. Leader in Politics and Governance: Russian Aspect // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 166. P. 541–545. URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.12.569>
8. Mueller C.E. Evaluating Freedom of Information Laws: Objectives, Approaches, and Practical Considerations // *International Journal of Public Administration*. 2019. Vol. 42. Iss. 12. P. 1020–1030.
URL: <https://doi.org/10.1080/01900692.2019.1575663>
9. Urlacher B.R. Complexity, Causality, and Control in Statistical Modeling // *American Behavioral Scientist*. 2020. Vol. 64. Iss. 1. P. 55–73.
URL: <https://doi.org/10.1177/0002764219859641>
10. Caetano F.A.O., Araújo J.A., Khan A.S. Fatores condicionantes do desenvolvimento socioeconômico na América Latina: uma análise sob a perspectiva do PIB e dos indicadores globais de governance // *Interações (Campo Grande)*. 2019. Vol. 20. No. 1.
URL: <http://dx.doi.org/10.20435/inter.v0i0.1646>
11. Nuseirat A.A.A., Kahlout Z.M.E., Abbas A. et al. An analysis of a structured benchmarking project: The case of Dubai Electricity and Water Authority's benchmarking project // *Benchmarking: An International Journal*. 2019. Vol. 26. No. 5. P. 1431–1450. URL: <https://doi.org/10.1108/BIJ-02-2018-0032>
12. Khamitov M., Wang X.(S.), Thomson M. ACross Space and Time: How Cultural and Institutional Differences Explain Consumer-Brand Relationships' Differential Effects on Brand Loyalty // *AP – Advances in Consumer Research*. 2019. Vol. 12. P. 11–12. URL: <https://ssrn.com/abstract=3400541>
13. Mihóková L., Dráb R., Kralík A. Determinants of Short Term Fiscal Imbalance: the Role of Tax Evasion as Fiscal Determinant Within European Countries // *Acta Universitatis Agriculturae et*

- Silviculturae Mendelianae Brunensis*. 2019. Vol. 67. P. 515–534.
URL: <https://doi.org/10.11118/actaun201967020515>
14. *Alquist R., Berman N., Mukherjee R., Tesar L.L.* Financial constraints, institutions, and foreign ownership // *Journal of International Economics*. 2019. Vol. 118. P. 63–83. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2019.01.008>
 15. *Gel'man V.* Subversive institutions, informal governance, and contemporary Russian politics // *Communist and Post-Communist Studies*. 2012. Vol. 45. Iss. 3–4. P. 295–303. URL: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2012.07.005>
 16. *Baranov A., Malkov E., Polishchuk L. et al.* How (not) to measure Russian regional institutions // *Russian Journal of Economics*. 2015. Vol. 1. Iss. 2. P. 154–181. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2015.11.005>
 17. *Kuzmina O., Volchkova N., Zueva T.* Foreign direct investment and governance quality in Russia // *Journal of Comparative Economics*. 2014. Vol. 42. Iss. 4. P. 874–891. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2014.08.001>
 18. *Skalamera M.* Invisible but not indivisible: Russia, the European Union, and the importance of “Hidden Governance” // *Energy Research & Social Science*. 2016. Vol. 12. P. 27–49.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2015.11.009>
 19. *Hermanson A.-S.* Energy security in a multi-level governance perspective // *Marine Policy*. 2018. Vol. 98. P. 301–308.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2018.09.025>
 20. *Tysiachniouk M., Henry L.A., Lamers M., Tatenhove J.P.M.* Oil and indigenous people in sub-Arctic Russia: Rethinking equity and governance in benefit sharing agreements // *Energy Research & Social Science*. 2018. Vol. 37. P. 140–152. URL: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2017.09.004>

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

pISSN 2073-2872
eISSN 2311-875X

Economic Policy of the State

ANALYZING THE DYNAMICS OF ADMINISTRATIVE INDICATORS IN RUSSIA

Valerii V. SMIRNOV

I.N. Ulianov Chuvash State University (ChuvSU),
Cheboksary, Chuvash Republic, Russian Federation
v2v3s4@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-3157>

Article history:

Article No. 574/2020
Received 12 Oct 2020
Received in revised
form 29 October 2020
Accepted 14 Nov 2020
Available online
12 February 2021

JEL classification: C45,
E19, F01, O10, P10

Keywords: priority
hierarchy,
administrative indicators,
cluster, criterion,
constraints, efficiency

Abstract

Subject. The article discusses the dynamics of the Russian indicators of administration.

Objectives. I identify constraints that determine administrative criteria.

Methods. The study is based on the systems approach and methods of statistical, cluster and neural network analysis.

Results. The article spotlights the stewardship of Russia's economy today and theoretical considerations on general administrative criterion. I analyzed trends in the Russian administrative indicators, referring to six general aspects of management (Worldwide Governance Indicators, World Bank Group). Using the cluster analysis of growth rates of the Russian administrative indicators, I found major and crucial clusters. Conducting the neural network analysis, I understood the hierarchy of priorities, with the governmental efficiency being the most important one. The supremacy of law, political stability and no violence/terrorism were found to be of the least significance. Having evaluated the asymmetry of trends in the Russian administrative indicators against the average, I identified the priority, that is the governmental efficiency, which turns to be a determining criterion of management.

Conclusions and Relevance. As a result of the study, I understood what hampers the dynamics of the Russian administrative indicators by determining administrative criteria. I especially point out the possibility of raising the governmental efficiency to maintain the political stability and prevent violence/terrorism by neglecting the supremacy of law, regulatory quality and simulating the anti-corruption activity. The findings contribute to the necessary scope of governmental authorities' competence to make administrative decisions on the effective stewardship of Russia.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2020

Please cite this article as: Smirnov V.V. Analyzing the Dynamics of Administrative Indicators in Russia. *National Interests: Priorities and Security*, 2021, vol. 17, iss. 2, pp. 361–384.
<https://doi.org/10.24891/ni.17.2.361>

References

1. Glaz'ev S.Yu. [The Russian economy at the beginning of 2020: The root causes of the growing chaos and a complex of anti-crisis measures]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* = *Russian Economic Journal*, 2020, no. 2, pp. 3–39. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2020-2-03-39>
2. Aganbegyan A.G. [How to resume social and economic growth in Russia?]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva* = *Scientific Works of the Free Economic Society*, 2020, vol. 222, no. 2, pp. 164–182. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-222-2-164-182>
3. Aganbegyan A.G. [On the need for a new socio-economic policy]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* = *Central Russian Journal of Social Sciences*, 2020, vol. 15, no. 3, pp. 15–50. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-3-15-50>
4. Grinberg R.S. [Economic stagnation: who is to blame and what to do?]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva* = *Scientific Works of the Free Economic Society*, 2020, vol. 222, no. 2, pp. 114–117. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-222-2-114-117>
5. Kleiner G.B. [Systemic reconstruction of the Russian socio-economic space]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* = *Economic Revival in Russia*, 2020, no. 2, pp. 59–69. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2020-2-64-59-69>
6. Rodriguez M., Kinne B.J. Blue Helmets, Red Flags: Institutional, Societal, and Military Determinants of Peacekeeping Abuses. *International Studies Quarterly*, 2019, vol. 63, iss. 3, pp. 626–640. URL: <https://doi.org/10.1093/isq/sqz020>
7. Zhuravleva I.V., Zhuravlev S.V. Leader in Politics and Governance: Russian Aspect. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 166, pp. 541–545. URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.12.569>
8. Mueller C.E. Evaluating Freedom of Information Laws: Objectives, Approaches, and Practical Considerations. *International Journal of Public Administration*, 2019, vol. 42, iss. 12, pp. 1020–1030. URL: <https://doi.org/10.1080/01900692.2019.1575663>
9. Urlacher B.R. Complexity, Causality, and Control in Statistical Modeling. *American Behavioral Scientist*, 2020, vol. 64, iss. 1, pp. 55–73. URL: <https://doi.org/10.1177/0002764219859641>

10. Caetano F.A.O., Araújo J.A., Khan A.S. Fatores condicionantes do desenvolvimento socioeconômico na América Latina: uma análise sob a perspectiva do PIB e dos indicadores globais de governança. *Interações (Campo Grande)*, 2019, vol. 20, no. 1.
URL: <http://dx.doi.org/10.20435/inter.v0i0.1646>
11. Nuseirat A.A.A., Kahlout Z.M.E., Abbas A. et al. An Analysis of a Structured Benchmarking project: The Case of Dubai Electricity and Water Authority's Benchmarking Project. *Benchmarking: An International Journal*, 2019, vol. 26, no. 5, pp. 1431–1450.
URL: <https://doi.org/10.1108/BIJ-02-2018-0032>
12. Khamitov M., Wang X.(S.), Thomson M. ACross Space and Time: How Cultural and Institutional Differences Explain Consumer-Brand Relationships' Differential Effects on Brand Loyalty. *AP – Advances in Consumer Research*, 2019, vol. 12, pp. 11–12. URL: <https://ssrn.com/abstract=3400541>
13. Mihóková L., Dráb R., Kralik A. Determinants of Short Term Fiscal Imbalance: the Role of Tax Evasion as Fiscal Determinant Within European Countries. *Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendelianae Brunensis*, 2019, vol. 67, iss. 2, pp. 515–534.
URL: <https://doi.org/10.11118/actaun201967020515>
14. Alquist R., Berman N., Mukherjee R., Tesar L.L. Financial Constraints, Institutions, and Foreign Ownership. *Journal of International Economics*, 2019, vol. 118, pp. 63–83. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2019.01.008>
15. Gel'man V. Subversive Institutions, Informal Governance, and Contemporary Russian Politics. *Communist and Post-Communist Studies*, 2012, vol. 45, iss. 3-4, pp. 295–303.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2012.07.005>
16. Baranov A., Malkov E., Polishchuk L., Rochlitz M., Syunyaev G. How (not) to Measure Russian Regional Institutions. *Russian Journal of Economics*, 2015, vol. 1, iss. 2, pp. 154–181.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2015.11.005>
17. Kuzmina O., Volchkova N., Zueva T. Foreign Direct Investment and Governance Quality in Russia. *Journal of Comparative Economics*, 2014, vol. 42, iss. 4, pp. 874–891. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2014.08.001>
18. Skalamera M. Invisible but Not Indivisible: Russia, the European Union, and the Importance of “Hidden Governance”. *Energy Research & Social Science*, 2016, vol. 12, pp. 27–49. URL: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2015.11.009>

19. Hermanson A.-S. Energy Security in a Multi-Level Governance Perspective. *Marine Policy*, 2018, vol. 98, pp. 301–308.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2018.09.025>
20. Tysiachniouk M., Henry L.A., Lamers M., Tatenhove J.P.M. Oil and Indigenous People in Sub-Arctic Russia: Rethinking Equity and Governance in Benefit Sharing Agreements. *Energy Research & Social Science*, 2018, vol. 37, pp. 140–152. URL: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2017.09.004>

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.